

Содержание

<i>Благодарности</i>	7
<i>Вступление</i>	8
ГЛАВА 1. Жизнь	22
ГЛАВА 2. Отношения	36
ГЛАВА 3. Мода	51
ГЛАВА 4. Комфорт	68
ГЛАВА 5. Обыденное	84
ГЛАВА 6. Битва за обыденность	100
ГЛАВА 7. Антропология: от нормативного к обыденному	117
ГЛАВА 8. Социология: ординарное и рутина	133
<i>Заключение</i>	147
<i>Примечания</i>	152
<i>Библиография</i>	155
<i>Указатель</i>	162

Благодарности

Как и всегда в подобных работах, прежде всего мы благодарим участников исследования. Нас неизменно поражает — и мы очень признательны, — когда так много людей соглашаются открыть двери и посвятить нам время, особенно учитывая, что тема денима едва ли может принести им хоть сколько-нибудь непосредственную выгоду. В таких проектах всегда проявляется особое великодушие людей, которое непременно стоит отметить.

Мы также очень благодарны Алесе Крит и Сабрине Миллер, нашим двум стажеркам. С учетом преподавательской нагрузки и административных обязанностей в университете мы не смогли бы провести это исследование без гранта на расшифровку интервью от Британской академии (номер SG-49624), единственного источника финансирования проекта. Выражаем признательность и Наоми Брейтвейт, которая помогла собрать справочную информацию и систематизировать количественные данные. Ранняя версия седьмой главы была опубликована в журнале *American Ethnologist* под названием «Антропология джинсов».

Вступление

Почему именно джинсы?

Эта книга призвана внести вклад в современные исследования материальной культуры. Опираясь на интервью и наблюдения за тем, как люди выбирают и носят джинсы¹, мы разрабатываем теорию обыденного и показываем ее место в социальных науках. Эта теория оказывает влияние на понимание таких тем, как иммиграция, идентичность, равенство и повседневные практики. Хотя подобное заявление может на первый взгляд показаться несколько громким, наша цель — прийти к этим теоретическим выводам постепенно, опираясь на сделанные в ходе исследования и затем проанализированные эмпирические наблюдения. Импульсом для реализации такого подхода послужил призыв Клода Леви-Стросса пересмотреть границы антропологии, рассматривая ее как своего рода философию, осуществляемую другими средствами. Книга адресована не только тем, кому интересно, почему люди носят джинсы, но и тем, кто вовсе не интересуется одеждой, ведь исследование темы джинсов, рассмотренной сквозь призму теории обыденного, позволяет внести вклад в решение вопросов, связанных с изучением человечества в целом.

Намерение авторов состоит вовсе не в том, чтобы напрямую воспроизводить философию. По крайней мере со времен Бертрана Рассела философия признает свою близость к математике в том, что обе дисциплины работают с абстракциями, рассматривая их как отношения между другими абстракциями. Примеры из повседневной жизни используются в них лишь для иллюстрации более абстрактных построений. В отличие от такого подхода, настоящая книга начинается с эмпирического и не стремится потерять связь с повседневностью из-за чрезмерных обобщений. Антропология признает, что именно люди, которых она изучает, создают с помощью мифов, религии, а также посредством повседневных практик и действий такое

упорядочивание мира, которое заменяет им формализованную философию. Утверждение Леви-Стросса можно распространить и на другие социальные науки, а его мысль подтверждается принадлежащими самым разным традициям текстами, в которых утверждается, что банальное и рутинное на вид способно раскрыть глубинное. Однако даже тем, кто сочувствует этой идее, трудно найти баланс между работой с конкретными данными и обобщениями. Так, с одной стороны, труды Джудит Батлер упрекают в том, что ее теории повседневного не опираются на углубленные эмпирические исследования, а с другой — работы Ирвинга Гофмана хвалят за скрупулезность наблюдений, но хотели бы, чтобы в осмыслении философских следствий своих выводов он продвинулся дальше. Установка антропологии на эмпирические исследования описана Миллером: этнографические исследования предполагают, что необходим по меньшей мере год включенного участия в жизнь определенного сообщества. В то же время ученый стремится к обобщениям и теориям, охватывающим человечество в целом (Miller 2010: 6–11). Его исследование отличается от работ среднего уровня, ограничивающихся проверкой гипотез с помощью анкет или фокус-групп.

Именно такую задачу ставит проект, которому посвящена эта книга. Мы начинаем с пологих склонов этнографического описания, рассказывая о жителях трех улиц в Северном Лондоне и о том, как они относятся к джинсам. Затем поднимаемся на обзорные точки, чтобы рассмотреть аналитические концепции, выведенные из этнографических данных (например, значение понятий «комфорт» и «обыденность»). В заключение мы утверждаем, что полученные результаты имеют значение для фундаментального понимания того, как общества воспроизводят, конструируют и контролируют сами себя, то есть для решения базовых вопросов социальных наук.

Наш подход не был связан с проверкой заранее сформулированных гипотез: начиная проект, мы не предполагали, в решение каких теоретических вопросов сможет внести вклад наш материал. Исходный вопрос исследования был предельно прост: почему так много людей носят джинсы? Предыдущее этнографическое исследование женских гардеробов в Великобритании, предпринятое Вудворд, показало, насколько часто джинсы надевают в качестве предмета повседневной одежды (Woodward 2007). И все же при том, что исследования, посвященные одежде, как дисциплина бурно развиваются, все еще нет работ, фокусирующихся на дениме или джинсах и объясняющих, почему они стали доминировать в нашем гардеробе. Начав работу в этой области, мы быстро убедились, что тема слишком обширна для нас двоих, учитывая глобальное распространение джинсов. Поэтому мы запустили так называемый Global Denim Project, который должен был побудить других исследователей обмениваться идеями и данными по этой теме.

К моменту перехода к собственно этнографии, ставшей основой этой книги, у нас появилась идея, что ношение денима может быть связано с состоянием тревожности, и сложилось представление о том, как деним может ее смягчить. Но, как нередко бывает в этнографии, эта линия почти полностью сошла на нет: она просто не соответствовала тому, что мы замечали на улицах. С самого начала было очевидно, что деним можно описать как нечто обыденное. Однако только через шесть месяцев полевой работы мысль об обыденности как ключе к полученным результатам появилась в той форме, в какой она предстает в книге. Признаться, нас даже слегка разочаровывало, что в выводах не оказалось ничего особенно шокирующего или необычного. Поначалу понятие «обыденность» казалось слишком банальным — скорее само собой разумеющимся фоном, нежели венцом заверченного исследования. По той же причине осознание глубины и важности обыденного заняло еще больше времени.

И все же, оглядываясь назад, мы видим, что приняли несколько решений, которые почти неизбежно вели к ориентации на обыденное. Самое очевидное — выбор темы: деним. Изначально мы почти не употребляли слово «обыденный» даже в наших обсуждениях; вместо него предпочитали чуть более нейтральные «распространенный» и «повседневный». Впрочем, мы еще не знали, какие грани темы джинсов окажутся на первом плане. В зависимости от этнографического материала мы вполне могли сделать акцент на дизайнерских джинсах, разнообразии фасонов, вопросах стиля — короче говоря, на аспектах денима, которые были какими угодно, но не обыденными. Мы могли увидеть в джинсах свидетельство довлеющего конформизма, коммерческой хитрости или глобальной американизации. Исходным основанием выбора денима как предмета стало общее наблюдение об исследованиях одежды и моды: чем реже люди носят тот или иной тип одежды, тем чаще о нем пишут. Публикуются тонны статей о дизайнерах и подиумах, посвященных вещам, которые вы вряд ли встретите за пределами медиа. Собственно дениму посвящено на удивление мало публикаций, хотя именно он составляет основную часть того, что большинство людей носят изо дня в день.

Чтобы приблизительно оценить масштаб и охват феномена денима, мы начали прикидывать долю людей в джинсах в каждой посещаемой стране: становились на углу улицы и отмечали, что носили первые сто прохожих. Мы обнаружили, что в большинстве стран (кроме Южной Азии и Китая) в любой день примерно половина населения носит деним. Коммерческие исследования показывают, что в мире люди носят джинсы в среднем 3,5 дня в неделю (Global Lifestyle Monitor 2008); максимальная частота в Германии, где джинсы носят 5,2 дня в неделю (а среднее число пар на человека — 8,6).

Во всем мире более шести из десяти потребителей (62%) говорят, что им нравится носить джинсы; самый высокий показатель — в Бразилии (72%). Для сравнения, в Индии лишь 27% заявляют, что любят носить джинсы. Согласно недавнему глобальному опросу, 31% опрошенных в странах от США и России до Кореи и Южной Африки владеют тремя-четырьмя парами джинсов; 29% имеют от пяти до десяти пар (Synovate 2008). В Бразилии 14% респондентов имеют десять и более пар, а 40% — от пяти до десяти. Доля людей, не имеющих джинсов вовсе, сравнительно невелика: например, в России без джинсов обходятся 13%, хотя в Малайзии эта цифра достигает 29%. Полагаем, что подобные коммерческие исследования не до конца учитывают огромные сельские районы Китая и Южной Азии, но помимо этого термин «глобальный» представляется вполне оправданным.

Статистические данные подкрепляют мысль о всемирном распространении джинсов, но сами по себе не объясняют ее. Мы начали собственный проект публикацией «Манифеста к изучению денима» (Miller & Woodward 2007), а затем создали Global Denim Project, у которого появился собственный сайт (www.ucl.ac.uk/global-denim-project) и несколько связанных публикаций (Miller & Woodward 2011; Woodward & Miller 2011). Проект был задуман для того, чтобы на материале денима обсудить вопросы глобализации и локальных различий, а также понять, как социальная наука может изучать специфические местные культурные формы и одновременно иметь дело с вещами, которые распространены во всем мире. Исследования присоединившихся к нам коллег уже дали предварительные ответы на более общий вопрос, почему люди носят джинсы.

Другие работы охватывают темы, отличные от рассматриваемых в этой монографии, — историю денима, его производство и продажу (например, Chakravarti 2011; Comstock 2011; Pinheiro 2011; Wilkinson-Weber 2011). Эта книга сосредоточена на этнографии обладания и ношения джинсов. И все же центральный вопрос, стоящий за всеми упомянутыми, остается прежним: почему именно джинсы? Для многих естественным будет обратиться к историческому генезису. Действительно, значительная часть литературы о дениме и джинсах относится к области истории (и нередко популярной истории). Сюда входят история индиго и, собственно, тканого денима. В ряде работ прослеживается, как происхождение синего цвета денима связано с простой случайностью: растительный краситель индиго фиксирует цвет на ткани без протравы, то есть без вещества, с помощью которого красители закрепляются на ткани. Именно это сделало индиго одной из ключевых сельскохозяйственных культур с древних времен вплоть до колониальной эпохи (Balfour-Paul 1998; Taussig 2008). Не менее основательно изучена история хлопка, которая вместе с историей индиго позволяет понять многие аспекты

истории человечества — от глобальной политэкономической эволюции до моды и стиля в разные периоды практически в любой части света (Riello & Parthasarathi 2009; South Carolina Cotton Museum 2007). Наконец, к сегодняшнему дню сформировалось и устоявшееся представление об истории джинсов — от патентования заклепок Ливаем Страуссом до образов Джеймса Дина, Мэрилин Монро и Джона Уэйна (см.: Sullivan 2006).

Однако объяснительная сила исторического исследования ограничена, когда речь идет о современном феномене. Существуют многочисленные продукты и практики с долгой историей — от керамики до птицеводства, — но это вовсе не гарантирует, что сегодня они столь же распространены, как и в доиндустриальные или докапиталистические эпохи. Бывали периоды, когда индиго не занимал видного места в текстильном производстве, а синие джинсы появились уже в конце XIX века. Следовательно, популярность джинсов как современной глобальной формы должна объясняться иными факторами. В социальных науках стало обычным объяснять распространение глобальных товаров утверждением, будто капитализм склоняет людей выбирать все, что способствует максимизации прибыли. Но с коммерческой точки зрения, хотя фирмы и зарабатывают на джинсах, куда больше денег они получили бы от одежды, которая каждый год выходит из моды, реже носится и заметнее меняется со временем. Компании извлекают прибыль из джинсов, но нет оснований полагать, что капитализм как экономическая система благоприятствует именно им; скорее наоборот. Поэтому очевидные объяснения — история джинсов или их коммерческая ценность — недостаточны, если мы хотим понять, почему сегодня деним все больше и больше доминирует на рынке.

Global Denim Project нацелен на пересмотр этих подходов: мы критикуем ряд исторических построений (Comstock 2011), но прежде всего подходим к теме этнографически — так, чтобы деним не сводился к глобальной гомогенизации или конформизму. У каждого региона — от Бразилии (Mizrahi 2011), Китая (McDonald 2011) и Англии (Woodward 2011) до Германии (Ege 2011), Индии (Miller 2011) и Италии (Sassatelli 2011) — есть собственная локальная конфигурация причин, почему люди носят или не носят джинсы. Существуют и более частные сюжеты — производство (Chakravarti 2011), стилизация (Keet 2011), маркетинг (Wilkinson-Weber 2011), ретейл (Pinheiro 2011) и даже переработка (Olesen 2011). Цель Global Denim Project состояла в том, чтобы и признать важность этих конкретных исследований, и выйти за их пределы, поставив более общие вопросы. Есть и свойства, специфичные именно для денима. Например, по мере ношения он смягчается — процесс, впоследствии имитированный в производстве различными процедурами состаривания (Miller 2009a). Обычно материальные

свойства денима анализируют в рамках текстильной технологии и химии красителей, рассматривая характеристики самой ткани (Tarhan & Sarsiisik 2009; Chowdhary 2002). Однако материальные свойства редко исследуют в связке с их социальными следствиями. Так, изучение свойств индиго как красителя и особенностей ткачества денима, определяющих, как ткань смягчается и выцветает, помогает понять, каким образом джинсы «персонифицируются», принимая форму тела конкретного носителя.

Мы пришли к выводу, что неслучайно именно джинсы люди считают вещью, которая куда сильнее других предметов одежды становится интимной и личной по мере того, как ткань смягчается и подстраивается под конкретное тело. Ношение этого всемирно распространенного предмета одежды неслучайно воспринимается как лучший способ представить себя гражданином мира. Живя с возрастающим ощущением грандиозности и порой чуждости мира, люди хотят заявить о своей принадлежности к нему, но боятся утратить индивидуальность. В этом смысле ценным может оказаться один предмет одежды, одновременно крайне личный и крайне распространенный. Ношение джинсов становится способом разрешить это противоречие — быть одновременно и собой, и частью глобального мира. Парадоксально, но мы обнаружили, что джинсы отсылают к тому академическому идеалу, с которого мы начинали: связать воедино обобщения философии и конкретность и разнообразие повседневного. Нам удалось ввести в одно уравнение и Ливая Страусса, и Леви-Стросса.

Global Denim Project оказался весьма успешным проектом открытого типа, объединяющим разнородные исследования: и узкоспециальные, и посвященные джинсам как глобальному феномену (Miller & Woodward 2011; Woodward & Miller 2011). Проект далек от завершения, и мы надеемся, что в ближайшие годы появится еще множество работ, затрагивающих как локальные, так и глобальные сюжеты, связанные с джинсами. Но у нас были основания приблизить тему к дому. Отчасти выбор предмета вырос из наших исследований в Англии. Вудворд защитила диссертацию (впоследствии изданную в виде монографии) о том, как женщины выбирают, что надеть, и пришла к выводу: деним представляет в гардеробе дефолтный режим, ключевой для понимания выбора одежды в целом (Woodward 2007). В результате тщательного этнографического исследования стало понятно, что именно джинсы выступают вещью, которая для многих женщин становится мостом между привычной одеждой (ее всегда можно без колебаний надеть) и непривычной (требуется осознанное усилие), поскольку, по их мнению, деним можно комбинировать с разными предметами одежды. С помощью денима можно создать как повседневный, так и нарядный образ. Миллер, исследовавший вместе с Кларк процесс приобретения одежды, утверждал,

что начинать разговор о теории моды следует не с творчества дизайнеров, а с чувства тревоги, которое испытывает множество людей, принимая решение о том, что надеть (Clarke & Miller 2002). Вот почему, расширяя горизонты через Global Denim Project, мы одновременно стремились углубиться в тему и посвятили целое этнографическое исследование джинсам, не выходя за пределы одной территории. Так возникла идея лондонского исследования.

Аргументация

Начиная работу над книгой, мы буквально прочно стояли на земле: ведь приходилось беспрестанно ходить вверх-вниз по трем улицам Северного Лондона. Структура книги отражает путь к теории обыденного, обозначенной как конечная цель. Первая глава посвящена этнографии ношения джинсов. Во время каждого интервью мы просили людей рассказать свою биографию через джинсы, а также описать текущие практики ношения. В соответствии с этнографической традицией рассказанное помещалось в более широкий контекст их жизни — работы, отношений и, например, восприятия собственного тела. Следующие три главы, демонстрирующие этнографический подход, рассматривают деним как предмет одежды, отношения людей со своими джинсами, а также траекторию изменений этих отношений на протяжении всей жизни. Среди прочего мы уделяем внимание связям между ношением джинсов, поколениями и этапами жизни респондентов. Затем перспектива расширяется до уровня домохозяйства и роли денима в посредничестве между людьми и конструировании их отношений: между партнерами, друзьями, а также родителями и детьми. Этот раздел завершается главой, посвященной покупке джинсов. В ней также рассказывается, как с их помощью люди упорядочивают и организуют разные аспекты своей жизни. Здесь же обсуждается порой напряженное отношение к моде, показывающее, что джинсы могут одновременно считаться всегда модными, принадлежать моде конкретной эпохи и быть антимодными.

Следующий раздел сосредоточен на дениме и обыденном: мы начинаем теоретизировать самый распространенный мотив выбора денима — комфорт. Углубляясь в семантику и употребление слова «комфорт», мы показываем, как оно связывает многие ключевые вопросы современной жизни. Сквозь призму комфорта исследуется, почему вопреки общему предположению, будто люди стремятся вырваться из обыденности и стать в чем-то исключительными, наши данные выявляют противоположную тенденцию: многие стараются быть менее заметными и добиваются того, чтобы их

воспринимали как обычных. Нам нужно понять, зачем людям культивировать искусство быть обыденными. Исследование начинается с группы, в отношении которой это объяснение понять проще всего: отдельная глава посвящена иммигрантам. Затем, изложив некоторые исходные основания, мы переходим к философскому рассмотрению роли обыденного в представлении о человечестве в целом. Это подводит к разделу, в котором показано, каковы последствия стремления стать обыденным и почему в XXI веке обыденность обрела беспрецедентное значение в самоопределении людей.

На этом этапе мы временно оставляем этнографические находки и обращаемся к долгосрочным тенденциям и дебатам в социальных науках, в первую очередь в антропологии и социологии. В академическом мире сложилось множество подходов, которые подводят к рассмотрению обыденного с разными импликациями и разнопорядковыми выводами. Наша задача — связать понятие обыденного, восходящее из «приземленных» исследований денима, с понятиями, нисходящими из теории социальных наук. В главе 7 утверждается, что деним бросает вызов не только антропологическому пониманию общества, но и представлениям о его воспроизводстве во времени. Говоря конкретнее, здесь показано, как фокус на обыденном ставит под вопрос принцип нормативности, фундаментальный в антропологии. В заключительной главе мы обращаемся к социологии, прослеживая, как постепенная легитимация повседневности в качестве объекта исследования сместила фокус к практическому сознанию и ежедневным практикам и тем самым открыла путь к изучению материальной культуры того типа, который представлен в этой книге.

Контекст исследования

Акцент на обыденном закономерен: он обусловлен как выбором темы — джинсы сами по себе повседневная вещь, — так и местом проведения полевого исследования. Изначально он не казался нам принципиальным и в значительной степени диктовался логистикой. Мы жили в двух весьма отдаленных друг от друга районах Лондона и нуждались в месте, одинаково удобном для нас по транспортной доступности. Мы также хотели избежать крайне богатых и крайне бедных районов. Определив примерный периметр, мы обнаружили удобный кластер из трех связанных между собой улиц. Оказалось, что они представляли собой довольно однородный тип застройки, тогда как Миллер в своих предыдущих лондонских этнографических исследованиях сознательно стремился к смешанным типам жилья (Miller 1998; Miller 2008).

Два года спустя эти улицы едва ли возможно увидеть иначе, чем сквозь призму почти поразительной обыденности. Помимо небольшого квартир-ного комплекса на одном углу и магазина на другом, улицы состоят из одинаковых примыкающих друг к другу домов без единого двухквартирного дома. Здесь нет ни паба, ни церкви — ничего, что нарушало бы равномерность застройки. Среди домов есть и относительно облагороженные, и более запущенные, с облупившейся краской на окнах и разросшимся палисадником. Многие жители полностью или частично превратили палисадники в мощеные площадки, чтобы парковать машину на собственной территории, но у большинства из них все же есть какой-то сад, и, как правило, он ухожен. Летом изобилуют розы и типичные для Британии однолетники — петунии и лобелии, а также привычные многолетники — камелии и азалии. У большинства домов есть живые изгороди, но они довольно низкие, так что немногие дома скрыты от посторонних глаз.

Это «правильные» улицы: они просматриваются от одного конца до другого, и почти всегда кто-то попадает на глаза. Дети играют на тротуарах в сравнительной безопасности, поскольку это изолированное место, которое никуда особенно не ведет. Водители не используют улицы для объезда, чтобы срезать путь и избежать пробок или светофоров. Нигде нет бесплатных общественных парковочных мест. Одна из самых привычных картин — водители-ученики с инструкторами: похоже, это идеальное место для спокойного знакомства с вождением. У большинства домов есть маленькие прихожие с двустворчатыми дверями, где хозяева хранят резиновые сапоги и другую обувь. Некоторые фасады отделаны штукатуркой с каменной крошкой. Люди, кажется, кивают друг другу и иной раз здороваются, но долгие беседы между соседями — редкость.

К моменту завершения полевой работы мы стали называть этот район молчаливым сообществом. Причиной тому послужили летние наблюдения за палисадниками: канны здесь встречаются заметно чаще, чем обычно в Англии, и располагаются не случайно. Они как будто образуют скопления у некоторых групп домов. Мы провели более систематический осмотр фасадов и отметили, что и другие элементы, скажем, сигнализация, явно распределены не случайно — они группируются примерно тем же образом. Мы пришли к выводу, что подобный эффект эмоционального заражения, по всей видимости, типичен для современных жилых районов. Дело не в том, что соседи много разговаривают друг с другом. Респонденты признаются, что обычно все общение сводится к дружелюбному, но поверхностному приветствию. При этом они краем глаза следят за поведением соседей, пусть и молча. И если те меняют газон на плитку или устанавливают прихожую, это влияет на вероятность того, что они поступят схожим

образом. «Не отставать от Джонсонов» в данном случае вопрос не статуса, а уважения к разумным решениям и поддержания соседского единообразия (ср. McCracken 1989).

В одном из разговоров участник исследования прямо сформулировал это следующим образом: «Мне кажется, тут есть негласный дух общности: люди толком не разговаривают друг с другом, но замечают, что делают и о чем думают остальные». Отсюда и «молчаливое сообщество»: место, где от людей ожидают, что они узнают и приветствуют соседей, но вовсе не обязаны по-настоящему их знать. Привычка соседей присматривать за улицей помогает восприятию района как относительно безопасного и спокойного. Удивительно, но у многих домов нет звонков, и почти ни у кого нет домофона. На большинстве входных дверей сделаны вставки с имитацией витража. Явных знаков идентичности немного: изредка встречаются дома с английским флагом, еще реже — с религиозной символикой (ислам или индуизм). Единственные заметные домашние атрибуты — таблички на крыльце или на передних окнах с шутками о доминировании женщин, например: «Мужское логово, пока жена не вернется домой».

Хотя здесь можно встретить и садовых гномов, и даже геральдических животных, сами улицы настолько лишены каких-либо признаков подлинного богатства, что не возникает ощущения, будто подобные украшения сочтут вульгарными. Вульгарность подразумевает стремление выделиться или стать выше своего положения, а любой, кто, живя в этом районе, будет демонстрировать хоть каплю «крутости», уедет отсюда как можно быстрее, что проявляется и в жилищных практиках: лишь 3% участников исследования жили в съемном жилье, деля дом или квартиру с друзьями, — необычно низкая доля для Лондона. Напротив, 80% жили с семьей (и из них всего 4% только с партнером). Возраст варьируется от семнадцати-девятнадцати до восьмидесяти и старше. Наибольшая группа наших собеседников (28%) — люди сорока — сорока девяти лет; почти столько же (25%) — в возрасте от шестнадцати до двадцати; старше пятидесяти только 19% опрошенных. Разумеется, статистика учитывает тех, кто согласился на интервью, а не все население трех улиц. Та же особенность присуща и гендерному распределению информантов: 64% опрошенных — женщины, они чаще соглашались участвовать в исследовании.

Многие из молодых участников интервью продолжают жить с родителями. У нас сложилось впечатление, что даже подростки не стали бы здесь хулиганить — тут просто не на кого производить впечатление нарушающей нормы бравадой. Вместо этого люди обустраиваются во внутренних пространствах, которые куда разнообразнее фасадов. Мы встречали и эстетичный минимализм почти без личных вещей и декора, и минимализм

бедности, но чаще всего сочетание подчеркнутой респектабельности с непринужденным беспорядком. Гостиные нередко организованы вокруг постоянно включенного большого телевизора с плоским экраном. Эта обыденность может доводить некоторых молодых людей до белого каления, пока они выжидают момент съехать, но, вероятно, именно она притягивает семьи иммигрантов: район представляется им идеальным, безопасным и надежным местом для того, чтобы пустить корни рядом с исконными семьями (а те в ответ на появление новичков вывешивают в палисадниках английские флаги).

Мы начали полевую работу с того, что разнесли листовки, сообщающие о проекте, по всем трем улицам, а затем стали обходить дома, договариваясь об интервью в более удобное время. Основная работа пришлась на лето 2007 и 2008 годов. Летом люди казались дружелюбнее, да и нам попросту было легче стоять на улице, когда нас не пускали внутрь. Многие отказывались, кое-кто хотел побеседовать сразу же. К некоторым — особенно к мужчинам, менее расположенным обсуждать одежду, чем женщины, — приходилось приходить несколько раз. В итоге в исследовании согласились участвовать немного меньше половины тех, кого мы приглашали. Это меньшая доля, чем в исследовании Миллера в южном Лондоне (Miller 2008), но деним менее привлекателен, чем его прежняя тема — утрата. Большинство интервью мы проводили вдвоем, часть — поодиночке. Нам повезло и с двумя стажерками, работавшими в разные годы: в первый год Алеся Крит, позднее ставшая аспиранткой кафедры антропологии Университетского колледжа Лондона, а во второй — Сабрина Миллер, племянница Дэнни, изучавшая антропологию в Калифорнии.

В итоге мы насчитали шестьдесят семь человек, которых относим к информантам. Из них 58% родились в Соединенном Королевстве, хотя белыми британцами являются лишь 42%: родители многих информантов, родившихся в стране, изначально были иммигрантами. 34% родились в Лондоне, причем примерно половина из них коренные жители района. Чуть более четверти участников из семей южноазиатского происхождения, но это вовсе не означает однородности: среди них индийцы, приехавшие через Восточную Африку, пакистанцы, пенджабцы, бенгальцы; среди вероисповеданий — индуизм, ислам и сикхизм. Происхождение остальных демонстрирует широкий спектр: есть несколько человек из Восточной Европы и Западной Африки, а также по одному-двум из самых разных мест — Южной Америки, Карибского бассейна, Гонконга, Сомали, Кипра и т. п. Это означает, что почти две трети участников исследования — иммигранты первого или второго поколения, хотя многие из них, например из южноазиатских семей, родились уже в Британии. Таким образом, жители улиц

варьируются от буквально родившихся здесь до тех, кто рассматривает это место как долгосрочное жилье, соответствующее их иммигрантскому статусу. Кроме того, встречаются и «транзитные» мигранты — например, молодые австралийцы, останавливающиеся здесь во время путешествия по Европе.

Мы всегда начинали со стандартного опросника примерно на десять минут, который позволял собрать персональные сведения (возраст, пол, место рождения) и данные о джинсах — например, сколько пар есть у участника. Опросник был полезен прежде всего тем, что помогал людям расслабиться и давал исходную информацию для дальнейшей беседы. Затем мы просили информанта рассказать свою биографию сквозь призму ношения джинсов. Этот прием обычно располагал людей к разговору и, что важно, помогал понять, как складывались их отношения с одеждой. Стремясь придать исследованию более этнографический характер, мы старались, где было возможно, включать в выборку нескольких человек из одного и того же домохозяйства, поскольку на целевых улицах нередко оказывались дома, принадлежавшие родственникам. Благодаря этому часто появлялись поводы вернуться или хотя бы перекинуться парой слов на улице, так что наше представление об информантах не сводилось к одному интервью. Во многих случаях участие действительно ограничивалось одной беседой. Однако поскольку она проходила дома, мы получали информацию сверх интервью (Носкеу 2002): из разговоров вокруг формальной части, по виду интерьеров и из общения с другими членами семьи, присутствовавшими при беседе. «Этнографическое» измерение обеспечивалось не только контекстом домашнего пространства и семейной жизни, но и самим нашим присутствием: два лета подряд мы ежедневно ходили по этим улицам, что помогло острее почувствовать место. Мы нередко сталкивались с участниками исследования на улице и становились для них относительно привычными фигурами, так что могли даже остановиться и перекинуться парой слов.

В проекте участвовали семьи, прожившие здесь или поблизости всю жизнь. По их свидетельствам, район изначально представлял собой муниципальную застройку конца Второй мировой войны. В словах респондентов звучит ностальгия по как будто бы большей дружелюбности района в то время — с огородными участками поблизости и сильным чувством соседства. Иногда упадок соседства связывают с ростом доли иммигрантских семей, но в основном люди относятся к нарастающему космополитизму достаточно спокойно либо нарочно говорят что-то хорошее в адрес семей иммигрантов. В нынешнем «молчаливом сообществе» видно совсем немного свидетельств утраченного духа соседства. Единственное событие, которое вспомнило немало людей, — публичное празднование юбилея королевы:

муниципалитет согласился перекрыть оба въезда, чтобы исключить автомобильное движение, и в тот памятный день на улицах поставили батуты и раздавали капкейки.

Сегодня район сохраняет следы муниципальной застройки: среди участников исследования были те, кто до сих пор снимает жилье у местного совета или в жилищных ассоциациях. Но заметно выросла доля частной аренды и недвижимости. В одной части района ощутимее присутствие выходцев из Южной Азии: чаще двери открывали люди, не говорившие по-английски. Если жители улицы и знакомы друг с другом, то почти всегда через детей, которые ходят в одну начальную школу или играют в футбол перед домом; район явно предпочитают семьи с маленькими детьми — здесь тихо и безопасно. Если говорить о «типичной» занятости, то это работа продавцом в одном из крупных торговых центров поблизости. Также встречаются учителя, сотрудники школьных столовых, полицейские, дизайнеры, исследователи, но чаще всего представители рабочего класса: строители и офисный персонал. Большинство семей иммигрантского происхождения сосредоточены на том, чтобы дети получили университетское образование, и в основном им это удается. Но есть и транзитные мигранты — например, приезжие из Восточной Европы в поисках сезонной работы. Цены на дома здесь заметно, хотя и не кардинально, ниже средних по Лондону.

Некоторые не согласны с распространенной ностальгией по прошлому и утверждают, что район, если уж на то пошло, стал дружелюбнее и безопаснее, чем был. Порой вспоминают одну-две «проблемные» семьи, но в основном в прошедшем времени. «Молчаливое сообщество», возможно, отражает постепенный рост доходов, связанное с ним накопление имущества и ослабление жестких классовых границ. Пожалуй, самым неожиданным наблюдением можно назвать провинциализм некоторых семей, живущих здесь с момента заселения улиц: для них любая вылазка дальше местного паба все еще ощущается как приключение; они говорят «ехать в Лондон», имея в виду центр города. Но, помимо нескольких прихожан одной и той же церкви, даже эти семьи не образуют сколько-нибудь сплоченного сообщества.

Люди сетуют на отсутствие паба или иного центра публичной жизни. Если и есть тенденция, которую оценивают особенно отрицательно, то это рост числа домов, покупаемых специально под сдачу. Считается, что они притягивают людей, не заинтересованных в развитии района. В целом же это место, где люди предпочитают держаться особняком, и дружелюбной улыбки здесь вполне достаточно. Считается, как и везде, что не следует провоцировать воровство, а сами кражи здесь скорее случайные, нежели систематические. Пожилые — а их немало — кажутся особенно уязвимыми.

И все же на практике нас удивило, что многие на весь день оставляют дома пустыми с открытыми окнами. Мы можем подтвердить общий консенсус: это вполне приятный район.

Завершая вводную главу описанием контекста, мы тем самым фиксируем, что исследование по своей сути этнографично. Описав собранный материал и проанализировав его, мы выдвинем ряд радикальных тезисов, в частности, что синие джинсы (как следует из названия книги) воплощают стремление к обыденности. Однако с самого начала важно оговорить: этнография всегда должна осторожно относиться к обобщениям. Мы изучали джинсы на трех улицах и не знаем, насколько они типичны для Лондона. Более того, как только что было показано, у них есть целый ряд весьма специфических характеристик, как и у любых других трех улиц в любой другой части города. В этом смысле совокупность объектов, которые изучает этнография, нельзя смешивать с понятием выборки в естественных науках. Мы не предполагаем, что обыденное играет ту же роль в других частях Соединенного Королевства или в других странах. Напротив, материалы Global Denim Project показывают совершенно разное значение джинсов в разных регионах мира. Ничто из этого, однако, не умаляет нашего убеждения, что все обнаруженное на конкретных трех улицах имеет большое значение для осмысления базовых понятий социальных наук. Следовательно, обобщения в главах 7 и 8 — это обобщения, которые делаются в рамках социальных наук, а не наук естественных: они носят философский характер и не сводятся к эмпирическим утверждениям о том, как обстоят дела с джинсами во всем мире, что является предметом сравнительной антропологии и дальнейших исследований.